
Михаил СТРИГИН

ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПУАНКАРЕ

Рассказ

«Так не может быть», — я проверял и перепроверял расчеты. Но они упрямо показывали, что нуль-мерное множество из простых чисел кардинально сказывалось на динамике всего множества.

— Кардинально, — я пощупал языком это могучее слово. А произнеся, тут же окупнул с головой в вибрации его частот.

«Кардинально. Кардинал. Cardinalis. В переводе с латинского „сердце“. Кардинальные числа характеризуют мощности бесконечностей, их сердечный пульс. Кантор сошел с ума, заглянув в их пасть», — я посмотрел наверх, где висело фото с изображением рычащего льва с африканского сафари. Понял, что отвлекся, и усилием воли вернул себя из саванны к размышлению о странном поведении динамической системы.

— Как может число, иначе говоря, точка так влиять на целую структуру? Это даже не укол иголкой слона, это только прикосновение к нему краешком острия, — сказал я вслух от возбуждения и непонимания. Хотя внутри теплилось что-то, из чего должно произрасти открытие. По крайней мере, я на это надеялся. Я чувствовал, что внутреннее зрение должно сфокусироваться, и я увижу, что скрывает за собой точка. Надеялся, что так же, как когда-то арабский ученый Ибн-аль-Хайсам увидел на внутренней стене библиотеки перевернутую улицу, проникшую вместе с лучом через дырку в уличной стене, за этой точкой развернется новое пространство. Ибн-аль-Хайсам обнаружил первый проектор, первую камеру-обскуру и одновременно чудо. Находясь внутри, он увидел внешнее. Я тоже ожидал, что, смотря на числовую прямую, я увижу ее содержание.

— Бесконечность так просто не сдается, — опять вслух сказал я и подумал: «Каждый раз, выскакивая из сафари по бесконечностям, я вспоминаю Зинаиду. Бесконечность ее глаз. Хотя это болезненно, но каждый раз в памяти я нахожу у нее новые и новые стороны, как будто раскрываю матрешку. Есть ли они, эти обнаруженные черты? Или я их придумываю? Я пытался приручить Зину, как число, думал, что буду ее складывать и делить. А она вышла из-под контроля и взорвалась, словно забытая на солнце бутылка пепси. Или это было медленно? Пузырилась через чуть приоткрытую пробку?» — сколько раз я крутил эти мысли. Хотя с нашего рас-

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светулец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

ставания прошло четыре года, но мысли, подобно динамической системе, которую я исследовал, каждый раз возвращались к стартовой черте.

«Где эта черта находится? В моей голове? Объем головы ограничен черепной коробкой. Хочешь не хочешь, а мысль, побродив, будет возвращаться к началу. Не знаю, конечно, какой объем у моих мыслей, но иногда они даже не помещаются в голову», — я представил, как мысли вытекают из ушей, не помещаясь в черепе, стекают по рукам, окрашивая их в какой-то зеленоватый оттенок.

Я сменил позу, немного расправив затекшие бедра, и продолжил расчеты, отметив между прочим, что отвлекся на целых две с половиной минуты. Это была непроизвольная роскошь.

Через час непрерывной работы, когда желудок начал поедать сам себя, я понял, что нужно идти ужинать, иначе этот жвачный орган может добраться до мозга, а это единственная полезная часть моего тела. Не сказать, что у меня все сыплется из рук, но какого-то мастерства я не добился ни в одном деле, связанном с ручной работой. Исключением из этого являлась яичница, которую я готовил не просто мастерски, а шедеврально. Я не мог жить на одних бананах и молоке, как это, по слухам, делал Гротендик, величайший математик двадцатого столетия. Ноги тоже сложно было причислить к тому, чем бы я мог похвастаться. В общем-то, они только переносили мою голову из квартиры в университет, который находился в пяти кварталах от моего дома. И эту дорогу ноги изучили настолько хорошо, что могли идти автономно от координирующего их центра, который одновременно мог решать какую-нибудь топологическую задачу. Например, неделю назад мне пришла в голову мысль: а можно ли для произвольной замкнутой кривой подобрать такой квадрат, вершины которого будут располагаться на этой кривой? То, что можно вписать квадрат в окружность или эллипс, было очевидно. А вот с произвольной кривой пришлось попотеть почти неделю. Задача настолько захватила меня, что две ночи из последних шести сжалась в три-четыре часа. Я заразил ею двух своих студентов-пятикурсников, Сашу и Машу, и мы могли в два часа ночи созвониться и обменяться идеями.

Я прорвался сквозь сугробы скопанных черновиков, устлавших пространство вокруг кресла. Каждый такой шарик — это неудачная часть меня, часть моей рождающейся теории. Я, как броуновская частица, часто тыркаюсь в разных направлениях мысли, возвращаюсь назад, снова тыркаюсь, и так до бесконечности...

«Опять эти бесконечности... Это напоминает ежика», — наконец я забежал на кухню, как будто там меня ждала Филдсовская премия, раскрыл холодильник и с удивлением обнаружил недоеденное овощное рагу с котлетой. В моем холостяцком жилище такое сложное блюдо было исключительным случаем. И то это стало возможным только потому, что вчера заходила моя коллега Елена, которая решила, что меня срочно нужно подкормить, поскольку пиджак висел на мне, как остатки кокона на вышедшей из куколки бабочке. Она так и сказала мне:

— Сергей, вы стали настолько невесомы, что, боюсь, улетите в свои абстрактные небеса, где вместо облаков плавают функции или матрицы.

— Скорее, матрицы — они отвечают за тензор деформации неба, а поэтому и за способ парения, — улыбнулся я и продолжил: — Зато, Леночка, вы настолько пышны, что я не побоюсь взлететь повыше, поскольку падать на вас абсолютно безопасно, — Елена тут же покраснела, нисколько не обидевшись. Она знала, что мне нравится ее бесконечная красота.

Микроволновку придумал гений, причем я уверен, что создавалась она в каких-нибудь военных целях, для проведения жутких экспериментов, например, над мышами. Мое рагу тоже не выдержало пытки, и часть котлеты, взорвавшись, разлетелась по всему отсеку.

— Мать твою, — я представил сложность процедуры уборки. В жизни я матерюсь крайне редко. Учительство обязывает. Но временами естество неандертальца выпячивается из-под мантии доктора математических наук, демонстрируя нашу родовую общность лучше всякого секвенирования генома.

— Наверно, уборка дождется Леночку, — зачем-то вслух пожалел я Елену, захлопывая дверцу микроволновки, и уже наскоро забрасывал в рот остатки ее пожертвований. Сложил посуду в раковину, клятвенно пообещав себе, что сегодня вечером помою ее. Сделав из кухни пару шагов в сторону кабинета и уже предчувствуя, что сегодня я расправлюсь с задачей, я услышал телефонный звонок, который всей своей безысходностью перегородил проход к столу. Послышалось:

— Алло, Серега! — я разобрал голос Руслана, моего товарища, кандидата физико-математических наук с кафедры прикладной математики. Услышав, что я пытаюсь как-то поздороваться, он продолжил: — Ты помнишь, что у тебя завтра прыжок с парашютом?

Я был огорошен. Сейчас я вспомнил, что мои коллеги из университета подарили мне две недели назад на сорокапятилетие сертификат на полет с парашютом. Тому, кто ни разу в жизни с первого этажа не выпрыгивал. Но под коньячок они убедили меня, что я должен сделать в жизни что-то этакое. Они убедили меня, что я смогу свернуть с тропы дом-университет, но главное, что я вернусь потом на нее, и это буду уже не я. Они уверили меня, что этот сертификат является точкой бифуркации в эволюционной кривой моей жизни. И поскольку я тогда прилюдно согласился с ними, мне ничего не оставалось, как сейчас бодро ответить:

— Конечно!

— Я завтра с тобой поеду. Сниму твоё приземление. А то ведь никто не поверит. Заеду в девять ноль-ноль, чтобы тебе не болтаться в автобусе. До скорого, — и отключился, видимо, опасаясь, что я начну шланговать. Я постоял еще несколько минут в коридоре и решил, что подумаю об этом позже, а сейчас мне нельзя сбивать творческий накал и нужно продолжить фокусировать внутреннее зрение. Страх здесь не помощник.

Я вновь пробился через черновики, сел на свой трон, с которого я пытаюсь управлять невидимыми подданными в виде чисел, функций, операторов, посмотрел на сочное закатное осеннее солнце в окне, на березы, у которых остались листья только на самых вершинках, и подумал: «Листья каждую весну растекаются по кроне, а осенью опять стягиваются в точку до последнего листа. Может, завтра будет непогода, и полеты просто отменят?» — взяв ручку, я начал рисовать граф отображений, который каждый раз демонстрировал, что стремится к первоначальному состоянию. Он как бы пропускал все неважное по пути. Два кролика — четыре кролика — восемь кроликов, любовь, измены, холод, голод — все остается за кадром стрелки, изображающей граф. Снова и снова я упирался в начало, как будто точка порождала линии, которые порождали поверхности, которые, в свою очередь, порождали многомерные объемы, которые приходили в точку. Нарушалась аксиома фундирования. Меньший объем включался в больший, который, в свою очередь, в еще больший, и так до бесконечности, которая слипалась в точку. Но тогда понятно, как в квантовой механике возможно запутанное состояние, когда волновые функции двух частиц взаимодействуют моментально, находясь на любом расстоянии друг от друга. Бесконечное расстояние содержится в точке, но в точке можно перемещаться с любой скоростью. В ультраметрическом пространстве расстояние между точками не равно гипотенузе, равной, согласно теореме Пифагора, корню из суммы квадратов катетов, а равно большему из этих самых катетов. Но его можно определить и как меньший катет. Моя мысль блуждала по кругу вместе с графом.

«С графом?» — я представил, как моя мысль идет по шикарному парку девятнадцатого века под ручку с графом, и нарисовал эту умильную картинку сбоку от расчетов. Она получилось забавной, и я не стал отправлять лист в черновики. И когда я отодвигал его от себя, возникло ощущение дежавю. И в этот же момент меня осенило: «Почему мы всегда думаем, что повтор — это возвращение в прежнюю пространственную координату, ведь точно так же можно представить себе, например, двумерное время и уже там замкнутые траектории?» — мне стало дурно от такой невозможно очевидной мысли.

«Может быть, мы все эти столетия крутились не в пространстве, а во времени? И если бы мы не крутились, то наша скорость была бы совсем иной? Ведь каждый такой цикл замедляет общее движение. Возможно, время, подобно швее, сшивает пространство, чтобы оно не распалось. Стежок вперед, полстежка назад, снова стежок вперед» — так учила мама в детстве пришивать заплаты. В комнате запахло даже не Филдсовской премией, появился устойчивый аромат Нобелевки. Почему-то вспомнился Григорий Перельман, отказавшийся от якобы несправедливо присужденной премии института Клэя.

«Можно подумать, что математик, решивший задачу тысячелетия, не мог бы придумать, как распорядиться с миллионом долларов? Куча одаренных детей с удовольствием бы получили путевки в математические интернаты», — возникла мелкая, заносчивая, но очень устойчивая мысль. Я посмотрел на часы и обнаружил, что уже второй час ночи. Ужин, как полагается, съел враг и был, видимо, очень доволен и уже спал, поскольку его не было слышно. Я решил тоже идти спать, завтра должен быть очень непростой день. Точнее говоря, день обычный, но совсем не из моей жизни, как если бы я взял у своего друга жену взаймы и прожил бы с ней один день. Мысль о двумерности времени приобретала зримые очертания...

* * *

— Сертификат не забыл? — вместо приветствия спросил меня Руслан, когда я утром залез в пассажирское кресло его старенькой «Toyota Corolla». Я протянул ему бутерброд, намекая, чтобы он не задавал глупых вопросов.

— Серега, ты посмотри на меня. Я уже перевалил за сто десять. Друг называется, — Руслан с жадностью погрузился зубами в колбасу.

Я всегда с удовольствием смотрел, как Руслан ест. Сразу было видно, насколько мощный сигнал подают вкусовые рецепторы в его головной мозг. И я понимал, что этот бутербродный сигнал блокирует все остальные.

— Я надеюсь, что, может, в качестве благодарности ты забудешь меня где-нибудь невзначай, — угрюмо улыбнулся я.

— Не дрейфь! Завтра еще запросишься. Только представь, ты сегодня на себе проведешь эксперимент по проверке эквивалентности инертной и гравитационной массы. Будешь двигаться по геодезической, ощущая всем своим телом кривизну пространства. Кстати, ты обещал рассказать, над чем сейчас работаешь.

— Пытаюсь разобраться со временем возвращения Пуанкаре. Это примерно о том, что каждый вечер ты снова и снова засыпаешь в собственной постели. Надеюсь, это так? Как бы ни проходил твой день, твоё фазовое пространство ограничено центральным районом, и ты волей-неволей оказываешься в районе своей квартиры. Даже если по какой-то причине твой путь был тернист, — покосился я на пустую бутылку, валяющуюся у меня под ногами. И тут мой взгляд остановился на тапочках, надетых на мои ноги, и я начал безудержно смеяться. Парашютиста в тапочках, наверно, еще не видели. Я поднял ногу выше, продемонстрировал ее Руслану, и того тоже охватил хохот.

— Опять витал где-то с Пуанкаре? У тебя сорок третий? — пробились вопросы сквозь затихающий смех. Увидев мое немое согласие, он продолжил: — Ну ладно, я думаю, оператор в тапочках не привлечет особого внимания, а ты полетишь в моих кроссах. Так что там с Пуанкаре?

Я продолжил:

— Если рассматривать более сложную, чем ты, сущность, например какую-нибудь молекулу, то там не все так просто. Время возвращения становится фрактальным. Для двух буквально рядом расположенных стартовых точек это время становится принципиально разным. Предположим, ты дважды выходишь из одной аудитории университета, но минимальная погрешность, например твой кашель, приводит к тому, что до кровати добираться не к вечеру, а через неделю, — снова ухмыльнулся я.

— Ага, конечно, у молекулы нет такой жены Нади. Фрактальность, нефрактальность, а к девяти ноль-ноль, и чтоб ни-ни, — дожевывал бутерброд Руслан.

— Так вот вчера у меня появилась идея двумерности времени. Мы привыкли видеть прямую времени как прямую, но вдоль нее, как мне кажется, есть множество мелких петель, которые зауливают обычное четырехмерное пространство-время, усложняя его и делая пятимерным, — резкий, высокочастотный визг тормозов заставил меня проглотить последнее слово и сократить его до «пятимем», одновременно щелкнув зубами — ремень безопасности удержал меня на месте, тогда как челюсть пошла дальше. Оказывается, Руслан полез за влажной салфеткой и, отвлекшись, чуть не сбил велосипедиста, вынырнувшего из-за грузовика на пешеходный переход. Испытав пятикратную перегрузку, Руслан всем своим мощным торсом врезался в маленький руль «Toyota» с глубоким выдохом: «эх». Когда его голова в обратном движении ударилась о подголовник, сзади раздался угрожающий вой клаксона — водитель сзади явно не понимал причину резкого торможения. Руслан нажал на газ, провоя не очень добрым взглядом велосипедиста. Я тоже посмотрел ему вслед, и у меня опять возникло ощущение дежавю. Именно по этому пешеходному переходу мы шли с Зинаидой, когда выскочил какой-то безумный на вишневой девятке и юзом, левой фарой двигался на нас. Я успел оттолкнуть Зину в сторону, слава богу, она как пушинка, а сам неловко заскочил на капот и перелетел через него. Отделался только легким испугом и синяком на правом бедре. А вот от водителя я так и не отделался: он непременно хотел отвести меня в больницу. Тогда я ему сказал, чтобы он отвез нас домой.

— Может, домой? А? — несколько плаксиво спросил я Руслана. С каждым ста метрами, которые преодолевала машина, приближался момент посадки в самолет, после которого обратной дороги не будет. Отказаться от прыжка, будучи уже в самолете, духу не хватит.

«Но это не моя жизнь. Моя за столом. Я не могу управлять вещами. Они растекаются в хаосе под моими руками», — я посмотрел на старые коричневые тапочки с уже протертыми носами, со стоптанными задниками, повидавшими все углы моей старенькой квартиры.

«Ну какой я десантник. Я могу десантироваться в атмосфере цифр. Там они меня слушаются. Они собираются в батуты, и я мягко приземляюсь. Иногда они капризничают, но в конечном итоге я всегда справляюсь с ними. А в жизни я точно свалюсь на какое-нибудь дерево, и от меня останутся рожки да ножки», — время как будто начало дробиться. Я смотрел на прохожих, прощаясь с ними. Вот здесь за углом Театр юного зрителя, куда мы ходили с сыном, когда ему было десять, на спектакль «Волшебник Изумрудного города». А последние два года он даже не разговаривает со мной. Юношеский максимализм. Он на стороне мамы. «Мне бы сейчас тоже найти смелости, как ее искали трусливый Лев и Элли», — я погрузился в мир сказки Волкова, но уже

через секунду вернулся из сказочного мира к реальности и попрощался даже с алкашом, который еле стоял у ларька, мимо которого мы проезжали. Он медленно, адiabатически губил себя, привыкая к этому состоянию, но невозможно привыкнуть к падению с двух тысяч метров, поскольку оно длится около минуты.

— Может, хватит на сегодня экстрима, домой, а? — повторил я, умоляюще смотря на греческий профиль Руслана. Он повернулся ко мне. Грек испарился, но зато проявились татарские черты.

— Худшее позади. Это был добрый знак. А вообще, мы уже опаздываем, — жестко ответил он. Последняя фраза меня приободрила, и появилась надежда.

* * *

Выглядевший свежим, зеленый Ан-2 выкатился на взлетную полосу. Самолет очень напоминал гигантскую стрекозу, присевшую передохнуть на болоте. Он весь излучал жизнерадостность. Мы с Русланом опоздали на полчаса, и меня инструктировали отдельно. Я очень надеялся, что по причине опоздания нас развернут обратно, но, видимо, и инструктор понял это и решил пойти навстречу моей судьбе, нарушив регламент. Он объяснил, что у меня эксклюзивный сертификат не просто на первый прыжок, а прыжок со свободным падением. Нас должны были выбросить на высоте порядка двух километров, а со сложенным парашютом мы должны пролететь примерно пятьсот метров. «Вот гады» — подумал я про свою кафедру. Через тридцать минут я был на взлетной площадке, где и увидел тех, с кем должен разделить последние минуты...

«О чем это я? Какие последние минуты?» — передо мной стояла очередь из семи человек, пришедших, видимо, уже давно, экипированных и готовых к самому безумному шагу в своей жизни. Я не понимал, зачем все это им надо.

«Что им не сидится дома?» — задавался я вопросом. Здесь были и мужчины, и женщины, и явно царило некоторое возбуждение. Кто-то отпускал пошлые шуточки в адрес летчиков и остальных членов группы. Только одна женщина впереди, стоявшая ко мне спиной, молчала. Ее рыжие локоны, вырывающиеся, как фейерверк, из-под шлема, что-то напомнили мне, но сейчас меня больше волновало мое внутреннее состояние. Я надеялся что-то подобное рассмотреть в этих пока чужих мне людях. Но они, видимо, пытались разогнать свою тревогу отвлеченными разговорами и юмором. «Через несколько минут я посмотрю на вас». Еще несколько минут я буду находиться в суперпозиции двух состояний: прыгнувшего и что-то затем испытавшего и испугавшегося, но вернувшегося точно домой. Эти два человека сейчас таскали друг друга за волосы, что-то доказывая один другому.

«А точно ли? А вдруг на обратном пути меня собьет машина? Может, как раз прыгнуть будет безопаснее? — мысль усложнялась и дробилась. Эверетт, который придумал многомировую концепцию, рассуждал, что в этот момент я должен разделиться на двух Сергеев, и один, трус, например, должен погибнуть в авткатастрофе, а другой, счастливый после прыжка, обновившись, придумает новую гениальную математическую теорию. Я решил пойти навстречу своему страху. Пусть второй возвращается, а именно я буду тем, кто полетит. Еще секунду назад я был уверен, что вот сейчас я уж точно развернусь и поеду домой под улюлюканье этого горе-оператора, который в этот момент стоит в сторонке и улыбается. Смешной, в старых, потрепанных сланцах, готовый снять момент, когда за нами закроется люк самолета.

Люк действительно закрылся, и в ту же секунду моя траектория пошла по пути обновленного Сергея. Внутри все вели себя тихо. Я смотрел себе под ноги и понимал, что этот пол самолета сейчас исчезнет и останется только небо, на которое никак не

опереться. Тогда я должен почувствовать, как выравниваются гравитационная и инертная масса, образовав состояние невесомости. Даже Эйнштейн в реальности не испытывал этого.

«Интересно, ведь получается, что в воздухе, хоть закрутись ногами и руками, не сдвинешься с места. Там не от чего оттолкнуться. Бедные звезды, они точно летят навстречу судьбе, и у них нет вариантов для разветвления миров Эверетта. Нет вопроса: врежусь в другую звезду или не врежусь? А может, все-таки есть. Может, они отталкиваются от соседних звезд, работая виртуальными локтями, чтобы славировать собственную траекторию. Такой глобальный принцип неопределенности Гейзенберга. Времени, правда, у меня на оценку ощущений будет немного. Сказали досчитать до десяти и открывать парашют. Я дерну, и он откроется. Он точно откроется. Меня уверяли, что парашют укладывают специально обученные люди-ригеры, юридически отвечающие за укладку», — я чувствовал себя так, будто выпил грамм двести коньяку и был на будоражащем меня подъеме.

— Я дерну, и он откроется. Я дерну, и он откроется, — очень тихо бубнил я себе последние две минуты полета.

* * *

Рыжеволосая опять оказалась ко мне спиной и выпрыгнула пятой. Я так и не успел или забыл рассмотреть в полете ее лицо: мы сидели вдоль одного борта. Наверно, меня отвлекли страсти представления полета звезд в абсолютно пустом космосе. За ней вышел невысокий юноша, который сидел между нами. Я замыкал очередь. Перед люком я на секунду остановился, понимая, что уже сделал свой выбор, когда сел на самолет, еще раз прислушался к себе и выпрыгнул.

— Ух ты, ядрена мать! — сказал я негромко в первую секунду, как будто боялся, что кто-то меня услышит. Крик кого-то из прыгнувших первыми до сих пор звучал в воздухе, обгоняя самолет. По обтекающему меня воздуху я чувствовал, что ускоряюсь. Ощущение было клеевое, ничего не стесняло, чувство свободы и непривычности поглотило меня. Земля была еще далеко и выглядела в виде контурной карты, не создавая какой-то угрозы, — вспомнился третий класс. Для того чтобы убедиться, что я быстро лечу, я посмотрел наверх и обнаружил быстро удаляющуюся точку самолета, развернул лицо к земле и почувствовал умиротворение и отсутствие времени.

«А звезды так живут вечно, они все время куда-то падают», — и теперь я уже начал завидовать им. И понял, что время — это преодоление, в невесомости нет времени. Ты просто движешься по пути наименьшего действия. Хотя, наверно, в космосе тоже есть межзвездный газ, который, как обдувающий меня сейчас воздух, не дает забыть о происходящем. Наверно, подобные ощущения может испытывать пассажир кабиолета, вставший во время езды со скоростью сто километров в час.

«Нет, скорее не стоящий, а лежащий на капоте автомобиля, ногами вперед», — в отличие от такого экзотичного самоубийцы, я принял вполне комфортную в небе позу брошенного на пол мешка с картошкой, или, точнее, зрителя, сидящего и релаксирующего на модном пуфике, который принимает форму тела.

Я отвернулся от солнца и оказался лицом ко всей группе, которая находилась к западу от меня, поскольку самолет летел на восток, и была несколько ниже. Я надеялся увидеть на их лицах соучастие и восторг от этого безумия. И вдруг девушка с рыжими волосами тоже развернулась ко мне, и я узнал Зинаиду. Я снова, как когда-то, провалился в ее глаза, насквозь, сразу оказавшись на земле, где-то в мягкой постели. Причем в реальности рассмотреть глаза было невозможно, но моя математическая фантазия представила их с точностью до последнего знака после запя-

той. Расстояние в небе оценить сложно, но между нами простерлись около ста метров. В ее глазах я прочитал не восторг, а жуткую тревогу. Одновременно с этим я досчитал до десяти, и нужно было выпускать парашют. В это мгновение я понял, что у нее проблемы, Зинаида дергала и дергала попеременно то за кольцо основного, то за кольцо запасного парашютов, но они оба не раскрывались. Моя правая рука легла на собственное кольцо, готовая рефлекторно потянуть за него, но острая мысль пронзила меня: «Вот так неожиданно спустя четыре года наши траектории сблизилась, и сейчас они разойдутся уже навсегда?! Но ведь я человек, и я могу делать выбор. Я не звезда какая-нибудь. Я попытаюсь что-то сделать. Я видел, как это делают в фильмах, когда, пикируя, парашютист преодолевает горизонтальное расстояние и сближается со вторым. Это безумие! Какие у меня шансы? Я же не Бэтмен. Но каковы шансы, что не раскроются оба парашюта? Один на секстиллиард. Как такое возможно? У меня шансов добраться до Зины гораздо больше».

Один за другим, как-то стесняясь, прошмыгнули раскрывающиеся парашюты, оставив нас с Зинаидой наедине между небом и землей. Я начал принимать разные позы, создавая руками и ногами поперечное движение воздуха для того, чтобы сблизиться с ней. В голове возникали формулы подъемной силы крыла, угла атаки, лобового сопротивления, уравнение Бернулли. Первые пять секунд ничего не получалось, и я даже отдалился от нее.

«У меня ничего не получится. Я просто учитель математики. Нужно дергать за кольцо», — я прислушался к себе и только сейчас обратил внимание, что дышу, как запыхавшаяся собачонка.

«Медленно выдыхаем, контролируем дыхание, разворачиваем руки, поворачиваем ладони, вытягиваем ступни, у меня получается», — я медленно, но с нарастающей скоростью двинулся в сторону Зинаиды, преодолевая разделяющее нас расстояние. Теперь я правильно сообразил, как нужно расположить руки и ноги, я набирал горизонтальную скорость, направленную к Зинаиде, но я по-прежнему был выше ее.

Страх ушел моментально. Я как будто высвободился из его тенет. Сознание прочистилось. Это я, который боится мыши, сейчас, находясь у Бога под мышкой, на высоте полутора километров над землей, которая становилась хорошо различимой и уже угрожающей, не испытывал страха. У меня была цель, возможно, главная в моей жизни. Я должен был сжать пространство-время и успеть схватить Зину, чтобы она оказалась в этой реальности, в которой я обновленный с гениальной математической теорией за пазухой. Я понимал, что без нее этого не произойдет. Я должен выполнить такое преобразование пространства-времени, чтобы сохранить метрику, поскольку метрикой является жизнь.

«Она всегда считала меня недотепой, тормозом, летающим в своих облаках. А ей хотелось реального Серегу. Ну вот теперь реальнее некуда. Теперь я летаю в ее облаках» — это тот, который практически не вставал со своего кресла, сейчас напоминал ястреба, пикирующего на свою жертву. С той лишь разницей, что жертва сама падала, а не сидела где-то на дереве.

Я попытался крикнуть Зинаиде, чтобы она раскрыла руки, когда уже был метрах в тридцати от нее — так я надеялся ускорить сближение, но только набрал набегающим потоком полные легкие и издал какой-то инопланетный рев. Картина со стороны, наверно, была забавная: я, летящий со скоростью порядка ста километров в час, приближался к своей цели со скоростью не больше нескольких метров в секунду, со скоростью бегуна на утренней пробежке, но мы неминуемо сближались. В глазах Зинаиды ужас понемногу сменился участием в помощи по сближению.

Тогда я попробовал показать ей знаками, чтобы она попыталась затормозиться. Она глупо замахала руками, видимо изображая пловца в бассейне, но потом поняла,

что проще поднять руки и опустить их, насколько хватает сил, преодолевая поток набегающего воздуха. Это существенно замедлило ее падение. Одновременно я понял, что когда окажусь над ней, мы быстро сблизимся, поскольку воздух над падающим объектом всегда разряжен и объект притягивает к себе то, что находится сверху. Так и произошло, Зинаида наконец достала до моих ног, схватила за брюки и рывком подтянула меня к себе. Мы обнялись. Наши фазовые траектории сошлись, причем не просто одна зашла в окрестность другой, они совпали полностью. Это означает, что у нас с Зиной рациональное отношение наших духовных частот. Мы как бы находимся с ней в резонансе. Ведь такого не может быть, потому что так просто не бывает. А возможно, я преодолел петлю времени напрямую. Я услышал вой «скорой помощи», посмотрел вниз и вспомнил, что не сделал главного: не раскрыл парашют. Но в этот момент я сообразил, что если дерну за кольцо, то не удержу Зинаиду, и она просто выскользнет из рук от рывка купола. У меня моментально проступила испарина, когда я представил это.

— Зина, нам нужно как-то сцепиться. Держи меня, — проорал я, перекрикивая налетающий поток, затем оглядел себя и потянулся, чтобы раскрыть нижний, четвертый карабин рюкзака и зацепить его за ремни Зинаиды. В этот момент я увидел землю. Она всей своей массой наваливалась на нас. Наверно, такое же ощущение испытывает сидящий на рельсах жук, видящий приближение поезда. Я уже различал отдельные кусты, видел вдалеке едущую по проселочной дороге машину «скорой помощи», хотя не различал уже догадывающегося о происходящей трагедии водителя. Он был скрыт крышей автомобиля. Видимо, на полигоне уже всполошились и отправили дежурную машину.

Наконец я зацепил карабин, попросил Зинаиду обхватить меня выше за шею, сам прижал ее одной рукой за талию, а ногами оплел ее ноги. Так плотно мы, наверно, не были никогда. Мы стали как сплав двух металлов, как единое целое, по крайней мере, мне так показалось. Я дернул за кольцо. Такого страха я еще не испытывал, даже когда за мной закрылся люк самолета, даже когда Зинаида уходила от меня четыре года назад. В этот момент был не страх, а ужас от возможной потери. Я почувствовал сильный рывок в плечах, Зинаида резко пошла вниз, точнее говоря, это я резко пошел вверх. Зинаида завизжала. Я сжимал со всей силы ноги, но она проскальзывала между ними, и когда уже мои колени оказались у нее под мышками, сработал карабин, и движение притормозилось. Зинаида посмотрела на меня полными безумного страха глазами и перестала кричать. Я посмотрел наверх — купол закрыл собой полнеба, и я был счастлив его увидеть. Потом посмотрел вниз. Земля была как на ладони. Оставалось, наверно, метров пятьсот или даже меньше. Наше движение существенно стало медленнее, но все еще было быстрым для безопасного приземления. Я изо всех сил подтянул Зинаиду к себе и вновь позволил себе испугаться. Нас учили на инструктаже, что необходимо сгруппироваться, согнуть колени и обязательно приземляться на обе ноги.

«Но сейчас я не могу смотреть вперед из-за Зиной. Что мне делать? На спину она не переместится, она может там просто не удержаться».

— Зин, как такое могло случиться? Это же просто невозможно, чтобы оба парашюта не раскрылись? — не удержался я.

— Я поняла! Мой бывший здесь ригер. Неделю назад я сказала, что ухожу. Он подарил сертификат со словами: «я отпускаю тебя». Вот и отпустил. Свобода должна была длиться минуту, — Зинаида опять разрыдалась, уткнувшись мне в грудь.

— Какое счастье, что я оказался рядом. Я люблю тебя, — прошептал я. — И, видимо, любил все эти годы. Доверься мне. Развернись лицом вперед. Я буду тебя держать за талию, А ты, когда будем приземляться, держись за стропы, они, если что, при-

держат тебя от падения. Я попробую первым коснуться земли, а ты, как в кресле, окажешься на моих ногах. А потом нас учили, что нужно сразу падать на бок. Попробуем кувыркнуться вместе, — говорил я ей куда-то в рыжие локоны, в ее высокий лоб и видел уже поднятые и глядящие на меня широкие карие глаза.

— Ты держишь меня? А то я пошла, — Зинаида пыталась разрядить ситуацию.

— Да. Давай, — Зинаида отпустила мою шею, и я начал поворачивать ее вокруг оси, одновременно она придерживалась за стропы. Я сейчас сам себе позавидовал, что выбрал когда-то такую легкую девушку, поскольку нервная усталость сковала все тело, и будь Зинаида тяжелее, я бы давно ее выронил. Конечно, еще был страховочный карабин, но если бы она повисла на нем, без травм при приземлении не обошлось бы. И тут я сообразил, как можно еще затормозить движение: нужно открыть мой запасной парашют, который был у меня на животе и оказался между нами. Я сдвинул Зинаиду вправо, приняв весь ее вес на правую руку, и дернул за второе кольцо — купол взлетел в небо, и наша скорость еще существенно упала.

Земля неминуемо приближалась, как закат, как чашка утреннего кофе, как старость после прыткой жизни. Уже можно было разглядеть лица санитаров, вышедших из машины с носилками. Водитель «скорой помощи», видимо, был неплохим специалистом по баллистике, рассчитав место нашего падения. Когда до земли оставалось метров пятьдесят, я услышал откуда-то с неба:

— Я тоже тебя люблю. Это была моя бабская глупость. Я захотела чего-то энергичнее. Может, какого-нибудь бизнесмена, спортсмена, что-то такое. Этот парень очень подходил под такое описание. У него больше ста прыжков. Но теперь, помывкавшись, я поняла, что любовь важнее. И... И... И сын тоже ждет тебя, — начала заикаться от волнения Зинаида, затем отпустила одну стропу и обняла меня за шею. Мы исчерпали с ней весь фазовый объем нашей жизни, и траектории слились в единую звезду, летящую теперь в невесомости.

— Держись, — прошептал я ей в ухо, поцеловав его.

— Поджимай ноги. Жаль мне теперь твоего ригера, — уже громче сказал я и почувствовал всю тяжесть Земли на своих пятках. Но мы удачно самортизировали, и я уже в падении перекинул Зинаиду и лег на спину. Мы перекувыркнулись, потом парашют потащил нас по ветру, но его уже схватили ангелы в медицинской одежде. Руслан бежал к нам босиком, держа тапочки в руках, похоже забыв про съемку.